

Александр ЕРШОВ

г. Петрозаводск

Бывает, что летает во сне человек.

Бывает, что он во сне проживает
целую жизнь за одну ночь.

Бывает...

А бывает, что он во сне вновь видит то,
что еще совсем недавно видел наяву...

Долго не мог начать писать о прошлогодних нашей с Леной блужданиях по Балканам,

и не только по ним, и не мог понять:

почему у меня так все как-то ничего не получается?

Потом понял: посетить четыре страны меньше чем за месяц,

увидеть множество необычных мест и познакомиться

со множеством интересных людей –

это все надо переварить.

Никогда в таком жестком режиме мы с моей женой еще не ездили.

И помогли мне все разложить по полочкам памяти именно сны.

Только с их помощью

я смог как-то уложить в голове все,

что видел, что слышал, что узнал...

Удивительная Черногория, несчастная Албания, растерзанные Босния

и Герцеговина, загадочный и прекрасный итальянский юг...

Приятно грезить об увиденном...

Подгорица

Сутоморе

Бар

овац

Велика пляжа

Ульцинь

о прошлогоднем лете

СОН ПЕРВЫЙ. АД ДОМОДЕДОВА

Залы и коридоры аэропорта Домодедово. Жара. Толпы людей. Несмолкаемый говор, который уже надоевшей барабанной дробью отдается в ушах.

До вылета три часа. Чемоданы сданы, паспортный контроль пройден. Остается только болтаться в этом шумном людском болоте и с нетерпением поглядывать на часы: ну когда же посадка? На табло выходы к нашему самолету меняются в третий раз. Согласно этим указаниям мы мотаемся то в один конец зоны вылетов, то в другой. Душно!

И вот мы находим выход, у которого уже стоит группа пассажиров, как и мы, жаждущих занять свои места в салоне лайнера и помчаться в сторону благословенного Адриатического моря.

Мы в самолете. Привычные инструкции бортпроводников на случай аварийной посадки, приветствие командира экипажа... Все – мы взлетаем.

Под нами Домодедово. Делаем круг, ложимся на курс...

Через три с небольшим часа нас будет встречать Черногория – солнечная, украшенная ласковым морем и красивыми горами.

Осталось совсем немного.

СОН ВТОРОЙ.

ЗНАКОМСТВО С ПЕРВЫМ ЧЕРНОГОРЦЕМ

Люблю сидеть в самолете у иллюминатора. Когда летишь днем – яркое солнце над причудливо расположившимися облаками завораживает. При посадке жадно вглядываешься в открывающиеся с огромной высоты виды. Земля, когда любишь ее сверху, и земля, по которой ходишь, едешь или плывешь по ее морям, – это совсем не одно и то же.

Под нами аэропорт Тиват.

Надо сказать, что в Черногории всего два международных аэропорта: в Тивате, куда мы прилетели, и в Подгорице, столице страны. Оба они совсем небольшие. Тиват даже работает не круглосуточно, лишь с шести утра до половины восьмого вечера, пока светло.

Именно поэтому – в силу небольшой пропускной способности – пассажиров просят приезжать на вылет пораньше, чем в других европейских аэропортах.

Но, тем не менее, пока черногорские международные воздушные ворота с ежегодно увеличивающимся пассажиропотоком справляются. Кстати, из-за невеликих размеров аэропорта в

Тивате в зоне вылета нет даже кафе, поэтому пассажирам выпить чашечку кофе или бокал вина в ожидании посадки нигде.

Итак, сели.

Мы в Черногории. В Тивате. В городе древнем – первые поселения здесь возникли в третьем веке до нашей эры – и в основном туристическом центре Черногории. Отсюда начинаются практически все маршруты по этой удивительно красивой стране.

В аэропорту нас должен был ждать таксист Милан. Так мы договаривались с девушкой-менеджером, которая арендовала для нас апартаменты в поселке Бечичи. Милана нет ни в зоне прилета, ни у выхода из аэропорта. Лена начинает нервничать, а я начинаю названивать девушке-менеджеру. Она говорит: «Стойте у кафе аэровокзала, сейчас я его найду». Стоим. Милана нет. Звоним еще раз девушке. Она удивляется: «Как нет? Должен быть. Стойте!»

Наконец появляется молодой, никуда не спешащий парень с приветливой улыбкой на лице: «Привет! Милан – это я!» Я пытаюсь выяснить – где же это он пропал полчаса, но бесполезно. Парень лишь пожимает плечами и симпатично улыбается. Хотя, как выясняется чуть позже, русским языком Милан владеет изрядно. Как практически все здесь, кто имеет хоть отдаленное отношение к туристическому бизнесу.

Милан – типичный сын черногорского народа: спокойный, доброжелательный, лениво-медлительный. Чемоданы в багажник он загружает не спеша, обстоятельно, не переставая улыбаться. «Поехали?» – вопрошает он и предупредительно распахивает перед Леной двери авто.

Вскоре мы едем по улочкам Тивата. Красиво и спокойно.

– Черногория ведь в югославской войне не участвовала? – спрашиваю я Милана.

– Нет, мы не воевали. Официально не воевали, – охотно отвечает таксист. – Но многие мои знакомые шли в сербскую армию, участвовали в боях. – Он помолчал немного. – Сербам надо было помогать обязательно. На них все накинута, дома, школы, церкви разрушали, детей, стариков убивали, священников убивали. А они же наши православные братья. Мы с Сербией до конца были. Беженцев из Хорватии и Боснии принимали, устраивали, лечили. – Он опять помолчал. – Война – это страшно. Особенно если она без правил велась.

– Это как: без правил?

– Сербам то одно обещали, то другое, чтобы

они не вели боев. Сербы верили, переставали воевать, а на них нападали и убивали. Надо было им помогать...

Черногория была с Сербией до конца. В период этой жуткой братоубийственной бойни, что началась с подачи США и Запада, когда от Сербии отходили одна республика бывшей Югославии за другой, Черногория с 1992-го по 2003 год входила в государство Малая Югославия (Черногория и Сербия). Затем сербы и черногорцы создали еще одно государственное образование: Государственный Союз Сербии и Черногории, который просуществовал до 2006 года.

Потом инициаторам югославской войны все же удалось превратить Черногорию в самостоятельное государство, оторвав и ее от Сербии. Они посулили международную помощь. Но посулы так и остались посулами. Туризм и сельское хозяйство – вот сегодня практически и вся экономика Черногории. Пятнадцать процентов населения – безработные. Доходы черногорцев очень низкие. Средняя зарплата в Черногории в 2013 году составляла на наши деньги примерно 20 000 рублей. Поэтому, уже не надеясь ни на какую западную помощь, черногорцы стараются как можно больше денег заработать во время туристического сезона. Инженеры, врачи, экономисты, преподаватели школ и вузов работают официантами, таксистами, гидами, грузчиками, сдают свои дома приезжим, чтобы хоть как-то обеспечить себя деньгами на зиму. Об этом мне рассказывал не только Милан, но и наш хозяин Бранко, священник отец Осия, экскурсоводы...

СОН ТРЕТИЙ. ПИРАТСКАЯ ЦАРИЦА

Мы катим по улицам Тивата. «Тиват... – говорит Лена. – Какое странное название у города. Почему он так назван?»

Милан хитро улыбается и отвечает: «Это по имени нашей пиратской царицы». «Пиратской царицы? – округляет глаза моя жена. – Это как?» «А здесь пираты с древнейших времен своим промыслом занимались, – говорит таксист. – Вы еще не раз о них в Черногории услышите».

Лена поворачивается ко мне: «Правда?» Я в подтверждение киваю: «Здесь же морские торговые пути были проложены еще до образования Римской империи. А что пиратам надо? Грабить купеческие суда. И пиратская царица здесь действительно была. Звали ее Теуга. Тиват в честь нее и назван».

Черногорцы очень любят рассказывать легенды о

царице Теуте. Самое интересное, что она действительно существовала, даже сохранилось ее изображение, высеченное из камня. Женщина была очень красива, даже по современным меркам.

Жила Теута в третьем веке до нашей эры и была женой Агрона, царя Иллирии, располагавшейся на территории современных Черногории и Албании.

Однажды Агрон вернулся с очередной войны, в которой победил. Вернулся с богатой добычей и закатил по этому поводу грандиозный пир. Пир продолжался несколько дней. Иллирийский царь на этом празднике жизни столько съел и выпил, что умер прямо за праздничным столом. И осталась Теута одна с маленьким сыном Агрона от прежней жены на руках. Типичная такая мать-одиночка, которой теперь нужно было как-то жить и вести хозяйство в царстве. Теута недолго раздумывала и взяла бразды правления государством в свои руки.

Нрава эта молодка была решительного и твердого. При ней в Иллирии быстро развивались ремесла, торговля и мореплавание. И вот именно тогда одной из самых доходных статей в экономике царства стало пиратство. Теута и сама ходила в пиратские набеги, возвращалась с богатой добычей. Грабила она и соседние с Иллирией города. Причем грабила их, применяя военные и совсем не женские хитрости. Однажды царица пришла с толпой своих подданных – мужчин и женщин – к городу Эпидамносу, что был расположен на землях современной Албании. По ее знаку люди громко закричали: «Пустите нас, пожалуйста! Мы уже много дней не имеем воды. Мы пить хотим! Дайте воды!» И при этом они все потрясали и стучали медными кувшинами. Жители Эпидамноса пожалели бедолаг и открыли им ворота. Толпа подданных Теуты вошла в город, все достали из пустых кувшинов боевые мечи. Завязался бой. В тот раз Теута потерпела поражение – жители сумели отстоять свои дома – и была вынуждена со своими иллирийцами бежать из города.

Но все же чаще ей улыбалась удача в боях на море и на суше. Об этом мы знаем благодаря трудам римского историка Полибия. За четыре года ее правления Иллирийское царство разбогатело и стало во много крат сильнее, чем было при Агроне.

Пиратские корабли Теуты хозяйничали и в Адриатическом море, и в Ионическом.

Соседние царства и города несли от действий «джентльменов удачи» царицы большие потери. Наконец им это надоело, и они пожаловались на Теуту Римской империи, которая имела в этих местах свои обширные и очень богатые колонии, которые тоже страдали от морских набегов иллирийцев. Кроме

этого, римляне очень хотели завоевать новые территории на Адриатике, и жалоба соседей Теуты оказалась как раз кстати.

Но римляне сначала хотели решить дело миром и послали к Теуте своих послов. Послы просили иллирийскую правительницу не заниматься пиратским промыслом и дать спокойно плавать купеческим кораблям. Теута удивилась: «Да что вы, уважаемые! Пиратство – это же чистый бизнес, ничего личного, поверьте. Как я могу запретить моим уважаемым предпринимателям, которые находятся под защитой законов Иллирии, заниматься этой деятельностью? Вот уж увольте, но не будет на это моего согласия!»

Один из послов вспылил и ответил царице: «Дык, матушка. Если в Иллирии такие плохие законы, что позволяют творить непотребства на просторах морских, то эти законы надобно изменить и ввести новые – такие, как в Риме». Теута молча развернулась и вышла. Но дерзкого посла решила наказать. На обратном пути в Рим он был убит, заколот пиратским ножом.

Этого Римская империя простить молодой, но такой наглой иллирийке не могла. Против Теуты, ее войск и флота были посланы 200 военных кораблей и 20 тысяч солдат. Они буквально разметали вооруженные силы и военные и пиратские корабли Иллирии. Самой царице пришлось бежать из своего дворца и укрыться в одной из горных крепостей.

Крепость римляне осадили. Через год вынудили Теуту сдаться и подписать позорный мир, по которому Римская империя отбирала у царицы все ее города, кроме одного – Рисана. Также победители заставили Теуту заплатить им огромную дань и дать обещание, что в море ее корабли будут выходить без оружия и лишь с торговыми целями. Дворец ее разрушили. Царица Теута, подписав этот унижительный мир, покончила с собой. По одной версии, она бросилась в море с высокой скалы, по другой – прыгнула в глубокое горное ущелье.

Как гласит легенда, рядом с этим ущельем есть подземное озеро, в котором Теута спрятала свои сокровища. Поиск этих сокровищ до сих пор ведется.

Как мне говорила одна из наших экскурсоводов, особенно активно поиском клада Теуты занимаются почему-то поляки. Они ежегодно посылают экспедиции в район предполагаемой гибели легендарной царицы.

О царице Теуте и ее легендарных сокровищах мы слышали не раз во время своих путешествий по Черногории и Албании...

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ. БРАНКО БЕЧИЧ ИЗ БЕЧИЧЕЙ

Тем временем наше такси выехало из Тивата. Мы миновали Будву и на всех парах приближались к поселку Бечичи. Именно там у нас были арендованы апартаменты. Апартаменты расположены на вилле Бечича, их хозяин – Бранко Бечич.

Мчал нас Милан по шоссе, идущему вдоль моря. Замечательного ласкового моря, синева которого манила так, что я уже представлял, как плюхнусь в него, буду лежать на спине, покачиваясь в тихих соленых волнах.

В поселке мы свернули на тихую узкую улочку, что текла на жаре вдоль громадного пятизвездочного отеля «Королева Черногории», и остановились у гостеприимно распахнутых ворот. Навстречу вышел худощавый, дочерна загорелый человек лет эдак шестидесяти пяти и улыбнулся: «Здравствуйте, я Бранко Бечич. Вы ко мне в гости приехали». Вот это ощущение, что мы здесь не в аренду апартаменты взяли, а действительно приехали в гости, не покидало меня все эти дни.

Он подхватил наши пожитки и повел нас обратно на улицу. Я удивился: «А апартаменты не здесь?» «Здесь, здесь, – успокоил меня Бранко. – Только в другом здании. Это тут же».

Оказалось, что «вилла Бечича» – это не одно здание, а три стоящих рядом двухэтажных дома. В первом на первом этаже живет сам хозяин с семьей, тут же у него небольшой офис. На втором – апартаменты. Два следующих дома полностью оборудованы для приема гостей. Нам были приготовлены апартаменты на третьей вилле, на втором этаже. Довольно уютная комната со всем необходимым, кухня, душ, туалет, небольшой балкон. Балкон выходил в сад, где в изобилии росли мандариновые деревья. Тихо и спокойно.

«Ну вот здесь вы и будете жить, – пригласил нас пройти Бранко. – Нравится? Все тут хорошо?» – «О, да! Спасибо!» Хозяин выдал нам ключи и вышел. Стоя в дверях, сказал: «Отдыхайте. На пляжу («пляжа», как вы догадались, по-черногорски «пляж») дорогу найдете или вам показать?» Мы заверили, что найдем. Он еще раз нам улыбнулся и исчез.

Я с хозяином быстро подружился. Бранко ведет свой бизнес уверенно и с размахом. Но сил это стоит немалых. Если быть точным, то это не только его бизнес, хотя основной капитал в виллу Бечича вложил именно он. «Сейчас это уже семейный бизнес, Саша, – говорил он мне. – Дела ведет еще и брат и мои, и его дети. Работы много, на всех хватает».

Я встаю рано, так привык. Но каждый раз, когда я

выходил на балкон около семи утра по местному времени, то наблюдал одну и ту же картину: Бранко давно был на ногах и ходил по саду со шлангом, поливал газоны, цветы и деревья. «Этого я никому доверить не могу, сад поливать», – как-то признался он мне. Потом он проверял дворики всех трех вилл, если что-то там было неубрано – кого-то распекал за деревьями. Затем в своем дворе вел переговоры с постоянно приезжавшими к нему серьезными мужиками. Потом отправлялся по делам. Все это он успевал сделать до полуденной жары.

Зато днем Бранко было лучше не тревожить. Однажды я хотел спросить у него совета по какому-то вопросу и пришел на его виллу где-то около часу дня. «А где Бранко?» – спросил у его родственницы, что помогала нашему хозяину на виллах. «Бранко спит», – сурово ответила она. «Его нельзя разбудить?» – «Не можно разбудить, совсем не можно. Он сердиться очень будет!» Как он мне сам позже рассказал, дневной сон для него – это святое: «Вечером у меня много дел еще, надо отдыхать, Саша...»

Однажды я у него спросил: «Бранко, у тебя фамилия Бечич и поселок Бечичи называется. Это как-то связано?» – «Конечно. Наша семья тут с древних лет живет. Здесь много людей по фамилии Бечич, все наши родственники».

Бранко рассказал мне, как заработал деньги на свой бизнес. Оказывается, он еще совсем молодым человеком в конце шестидесятых годов уехал на заработки в ФРГ. «У вас так легко можно было в Германию поехать на работу?» – удивился я. «Да, с югославским паспортом нас на Запад легко пускали. Ведь там нас социалистической страной не считали. Визу легко давали в Германию. А на границе документы посмотрят и – ту-ту – езжай!» – смеется Бранко. Пришлось ему в Германии и нелегально работать, и легально. Работал официантом, водителем... «Много чего перепробовал, надо было деньги зарабатывать и для родителей, и себе, – вспоминал Бранко. – Сюда уже перед войной вернулся, начал вот этот бизнес строить. Сначала одна вилла была, потом вторую построил, потом третью. Но тяжело было. Ничто же так просто не дается». – «А если бы тут война началась в девяностые?» Он помрачнел: «Конечно, мы боялись, что война начнется. Но все обошлось. Никому эта война кроме американцев не нужна была. Они и хорватов против сербов подняли. Здесь много беженцев было...»

То, что в Черногории в последние годы поселилось много россиян, Бранко радуется: «Они у нас здесь дома строят или покупают, деньги вкладывают в нашу страну. Чем плохо?» – «А современ-

ные русские богатые люди, как во многих странах жалуются, себя вести не умеют. Думают, что за деньги все купят, и полицию в том числе. А у вас как?» Бранко морщит лоб: «Не слышал я, чтобы русские в Черногории как-то уж совсем безобразно себя вели. Ну, дураков и задир везде хватает. Но с нашей полицией лучше дел не иметь, – он улыбнулся. – Не советую законы в Черногории нарушать...»

Как-то вечером играли с Бранко в пинг-понг во дворе. Несмотря на свой возраст, играет он отлично. Так меня загонял, что после часа игры все на мне было мокрое – хоть выжимай.

Черногорец черногорцу – друг, товарищ и брат. Это мы с Леной выяснили в первый же наш вечер в Бечичах. Я пришел к Бранко, чтобы он посоветовал нам какой-нибудь хороший рыбный ресторанчик, где не очень дорого и вкусно кормят. Хозяин наш просиял: «Конечно, Саша! Есть ресторан «Три рибаря», это совсем недалеко, прямо на пляже. Там работает мой хороший друг – шеф-повар. Я сейчас ему позвоню, чтобы он вам столик оставил, а то на веранде может мест не быть». Он тут же с кем-то созвонился и, довольный, протянул нам флайер с адресом ресторана и объяснил, как найти это чудное заведение. Мы пошли. Идти оказалось довольно долго, вопреки уверениям Бранко, что он буквально в двух шагах. Я вообще заметил, что у черногорцев понятие «далеко-близко» довольно странное, но об этом ниже.

Наконец мы обнаружили эти «Три рибаря». Свободные столики на веранде были, поэтому прибегать к помощи хорошего друга нашего гостеприимного хозяина не пришлось.

В «Рибарях» мы отведали свежайший рыбный паштет, съели по тарелке какой-то необыкновенно вкусной ухи из нескольких видов рыб. Далее меня ожидали спагетти с креветками, а Лену – королевские креветки, приготовленные на гриле. Запили мы все это бутылкой сухого черногорского вина. Счет за пиршество у «Трех рибарей» составил 90 евро. Больше мы ни в Черногории, ни в других странах, где нам удалось побывать прошлым летом, так дорого не ели.

Интересно, поблагодарил ли шеф-повар ресторана своего хорошего друга за таких клиентов? Хотя о деньгах, потраченных на этот обед, ни Лена, ни я не пожалели. Все было действительно очень вкусно.

СОН ПЯТЫЙ. БЕЧИЧИ – КУСОЧЕК РАЯ

Наша первая ночь в Бечичах. Мы стоим на балконе и смотрим, как в черное небо врезаются лазерные лучи. Где-то в районе Будвы проходит большая дискотека – музыка тоже немного слышна. Пахнет морем и мандаринами.

Здесь, в поселке, тоже кипит ночная жизнь. Но вся она сосредоточена на набережной, что тянется вокруг огромного пляжа. Там кафе и рестораны, магазины сувениров, там аттракционы и музыка почти до утра. Но к нам сюда шум прибрежного веселья не доносится.

Мы там обязательно побываем, на этом бесконечном летнем празднике, а пока, в эту первую ночь, так приятно сидеть почти в полной темноте, попивать кислое македонское сухое вино напополам с минералкой, лениво вытянув ноги и довольно жмурясь.

На ближайший почти месяц все, что нас сейчас окружает, – наш личный маленький кусочек рая на Земле.

Здесь, в Бечичах, я просыпаюсь, когда еще нет восьми утра по местному времени. Натягиваю плашки и шлепаю по направлению к набережной. До нее и пляжа – рукой подать, только перейти дорогу.

Набережная уже очищена от остатков ночного веселья, молодые парнишки выносят с пляжа мусор в мешках, еще раз граблями проводят по очищенному песку и мелкой гальке, расставляют лежаки – по два под один большой соломенный зонт. Место с лежаками под зонтом стоит 10 евро в день. Но утром никто здесь денег не берет. Кидаю футболку на ближайший лежак и ныряю в прохладную чистую воду Адриатики, пугая стайки маленьких рыбок, потерявших за ночь бдительность. Скоро им придется плыть подалее от берега, ведь волны здесь будут просто кишеть купальщиками.

Переворачиваюсь на спину и смотрю, как из-за гор медленно поднимается солнце. Солнечный свет словно катится от горных подножий по крышам домов на морской берег. Солнце пока не жаркое, очень приятное. Этим пользуются любители утренних пробежек. По набережной то и дело пробегают люди – от пожилых мужчин и женщин до веселых стайек детей.

В первую неделю пребывания в этом благодатном месте я каждое утро видел, как под руководством тренера на набережную выбегала группа девочек лет десяти. Судя по надписям на футболках, они готовились к сербско-черногорским легкоатлетическим стартам. Тренер юных спортсменок гонял их очень серьезно.

В восемь утра на набережной Бечичей открываются кафе. Первые их посетители пьют кофе с пирожными, и только, поскольку позавтракать более плотно тут можно лишь с девяти утра. Кофе ароматный и очень вкусный, пирожные – свежие, просто объедение. Стоило мне это утреннее удовольствие 3 – 4 евро.

Посетителей с утра немного: то стайка пенсионеров-немцев заглянет на свежий кофейный запах, то молодые французы придут взбодриться.

Русские присутствовали на этих утренних кофейных посиделках обязательно.

С Сергеем, Кристиной и их маленьким сыном, серьезным отроком лет семи, мы сидели за соседними столиками. «Вы в Черногории впервые?» – спросил меня отец семейства. «Да, а вы?» – «А мы уже третий год подряд сюда ездим».

Сергей рассказал мне, что ездить они начали сюда из-за болезни мальчика. Ему каждый год надо выезжать на море. «Его болезнь стала для меня просто предупреждением свыше», – вздохнув, продолжал отец. Сергей и Кристина из Петербурга. Он работал в крупной фирме, где занимался какими-то разработками для морского флота. Зарабатывал очень хорошо. Это позволило им купить большую квартиру и жить неплохо. Кристина сидела дома с ребенком. Только приходилось Сергею пропадать на работе до ночи, ребенка почти не видел. А сын очень скучал по нему. И тут как гром на голову – мальчик серьезно заболел. Для того чтобы быть побольше с сыном, Сергей ушел из фирмы, нашел работу, на которой не надо было просиживать сутками, можно было работать и дома. В деньгах, конечно, потерял. «Но зато мы теперь вместе, – гладит отец сына по выгоревшим до белизны волосам. – И вечерами, и в выходные, и на море каждый год месяца на полтора выбираемся».

Кристина смотрела на мужа влюбленными глазами...

Пляж начинает потихоньку заполняться людьми где-то часам к десяти утра. К одиннадцати найти свободные лежаки уже довольно проблематично. Народ не зря стремится отдохнуть именно здесь: ведь еще в 1935 году этот пляж был признан лучшим в Европе. Сейчас он если не остается лучшим, то уж один из лучших – это точно.

В небе над пляжем появляются первые парапланеристы, по акватории уже несется рев скутеров. Очередной день летнего сезона в Бечичах начался.

С нашего пляжа отлично виден Свети Стефан. Знаменитый остров миллионеров, визитная карточка Черногории.

До того как остров превратился в один из самых дорогих отелей мира и его полюбили и Сталлоне, и Софи Лорен, и Керк Дуглас, и Клаудиа Шиффер, прочие богатые и знаменитые персонажи, на нем располагалась бедная рыбацкая деревня. Был Свети Стефан и крупным торговым центром средневековья. Мы осматривали знаменитый кусок земли в Адриатике с воды. Маленькая яхта объехала Свети Стефан со всех сторон, и нам отлично были видны старинные домики с узенькими оконцами, превращенные сейчас в роскошные гостевые апартаменты.

От Свети Стефана мы, качаясь на волнах, отправились еще к одному красивому острову, что находится неподалеку, – острову Святого Николая. Это такая огромная скала в море, у подножия которой существует полоска галечного пляжа. Еще там стоит старая церковь Святого Николая, которую, по преданию, поставили здесь спасшиеся на острове после кораблекрушения моряки.

Надо сказать, что издали остров Святого Николая смотрится гораздо лучше, нежели когда до него доберешься и высадишься...

У черногорцев действительно какое-то свое, только им присущее восприятие времени и пространства. Если они говорят, что до чего-то осталось «недолго», то это «недолго» может растянуться на полчаса, а то и на час. Ну, это о времени. А что касается пространства...

Нам рассказали, что в поселке есть замечательный магазинчик, который называется «Мега-маркет». В нем можно купить свежайшее, уже разделанное на порционные кусочки мясо – свинину, говядину, баранину, курицу – и тут же на расположенной рядом жаровне его совершенно бесплатно пожарить. «А далеко он находится?» – «Нет, совсем недалеко, – беспечно махали рукой наши знакомые черногорцы. – Выйдите на дорогу, поверните направо и все так по дороге и идите. Это совсем недалеко!»

Итак, мы вышли на шоссе и повернули направо. Прошли где-то с километр. Жарко. Внизу море манит своей голубишной, а мы все идем и идем. Встречаем местного жителя и спрашиваем: «Извините, уважаемый, до «Мега-маркета» еще далеко?» – «Нет, совсем недалеко. Вы уже почти пришли. Во-о-он за тем поворотом». Идем до поворота, потом до следующего. Нет «Мега-маркета»! Нет, и все! «Может быть, мы прошли его и не заметили?» – робко интересуется жена. Ловим

еще одного черногорца: «А где «Мега-маркет»?» Черногорец удивленно смотрит на нас: «Да здесь, близко! Вы уже почти пришли!»

«Почти пришли» – это еще метров пятьсот. Наконец-то мы узрели вывеску на небольшом продовольственном магазинчике: «Мега-маркет!» Теперь мы знали, что «недалеко» по-черногорски это два с лишним километра.

А приготовленное на жаровне у магазина свежее мясо действительно оказалось очень вкусным. Не соврали наши черногорские знакомые...

В центре поселка протекает небольшая совсем речушка, что впадает в море. Она тоже называется Бечича. У моста через нее стоит скромный обелиск, состоящий из двух плит. На одной плите надпись, что 15 июля 1941 года местные партизаны провели на этом месте свою первую акцию. Они уничтожили мост через речку и этим остановили продвижение итальянской механизированной колонны, которая шла на помощь фашистским войскам из Котора в Бар. На второй плите написано, что в 1944 году итальянские фашисты расстреляли здесь двух местных жителей.

Обелиск ухожен, чисто вымыт. Ухаживают за ним местные власти. Такие скромные памятники, посвященные югославским партизанам, мы видели в черногорских горах, в Которе. Народы Югославии, даже живя теперь врозь, помнят, как их деды били фашистов на общей тогда земле...

СОН ШЕСТОЙ. ОТЕЦ ОСИЯ

Однажды Бранко говорит нам: «Хотите купить хорошего оливкового масла недорого? Настоящего, домашнего?»

Еще бы Ленка этого не хотела! «А где мы купим его?» – спросил я нашего хозяина. «В церкви, – ответил он. – У батюшки нашего. Я вас туда отвезу».

Собственно, мы могли в эту церковь пойти и пешком. Небольшой православный храм Святого Тома (Святого Фомы по-нашему) стоит на возвышенности рядом с одним из выходов на пляж. Церковная территория окружена маленьким парком. Кроме самого храма, здесь есть «читарня» – библиотека – небольшой домик для священника и родник.

Мы с Леной, когда гуляли по поселку вечерами, частенько видели, как батюшка вкушал вечернюю трапезу на широком массивном деревянном столе перед своей обителью. Но познакомиться с ним не случилось.

И вот как-то утром Бранко посадил нас в свою

машину и повез в церковь. Мы зашли за ограду и увидели идиллическую картину: за столом сидел священник – огромный пожилой мужчина с окладистой бородой и солидным животом, облаченный в старые спортивные брюки и белую майку. Рядом с ним сидела сухонькая женщина, которая приветливо улыбнулась нам и скрылась в доме. На столе перед батюшкой стояли блюдо с фруктами, пластиковая бутылка с подозрительно прозрачной жидкостью и небольшой граненый – ну совсем как наш, русский – стаканчик. Наш хозяин уважительно пожал ему руку, и священник перекрестил его. «Это наш отец Осия, – представил нам священника Бранко. – А это гости из России. Саша и Елена. Мы в гости за маслом к тебе, отец».

Отец Осия выглядел слегка помятым. Он смущенно улыбнулся и что-то тихо сказал Бранко. Тот смешливо наморщил нос и объяснил нам: «Вчера у отца праздник был по поводу крестин его внука. Так что он просит прощения за...» «Ну, мы поняли», – я сочувственно кивнул батюшке. Тот расцвел. «Вы за маслом пришли? У меня масло вкусное, сам делаю. Лучшее здесь! – Мы изобразили радость. – Вы пока в храм сходите, а я сейчас все приготовлю». Мы зашли в церковь, там было прохладно, тихо и красиво. Но красота эта была не такая, как в наших православных храмах, – очень простая, не помпезная. Вообще, как я заметил, на Балканах православные храмы, даже самые известные, и старые монастыри украшены не столь богато, как в России. Все очень скромно. Зато территория вокруг церквей вся в зелени, цветах и деревьях. Сюда приходят не только помолиться, но и полежать на траве, посидеть в тени и отдохнуть.

Когда мы вернулись во двор, сухонькая женщина поставила на стол две полторалитровые бутылки с маслом. Мы поблагодарили, расплатились и уже хотели откланяться, как отец Осия предложил: «А вина не хотите? У меня хорошее вино. Тоже сам делаю». Мы замаялись, а он, видя наше смущение, предложил: «Вы попробуйте». Женщина словно только и ждала этих слов. Тут же появилась на столе еще одна бутылка – с рубиновым напитком. Появились стаканы, которые священник тут же наполнил. Вино оказалось вкусным, терпким и очень густым.

Сам отец Осия налил себе из бутылки в граненый стаканчик прозрачной жидкости и посмотрел на меня: «Сливовицы попробуешь?» Пить сливовицу в одиннадцать утра на жаре я был не готов. Мы чокнулись. «А ведь отец Осия у себя в церкви беженцев принимал. Многим людям помог. Он у

нас герой!» – сказал Бранко. Священник смущенно кивнул: «С помощью Господа кормили людей – детей маленьких, стариков, женщин, раненых – одевали их, помогали, чем могли. Много беженцев было...»

«А откуда бежали люди?» – «От боснийцев бежали, от хорватов. Все бросали и бежали, чтобы живыми остаться. Страшные вещи рассказывали, как над ними глумились». – «И сколько через вашу церковь прошло их?» Отец Осия покачал головой: «Не считал. Может, тысяча...»

Только в августе 1993 года в Черногорию от войны бежали, по одним данным, более пятидесяти двух тысяч, по другим – более шестидесяти двух тысяч человек. Это составляло десять процентов от общего количества жителей республики. Большинство из них прибыло из Боснии и Герцеговины, спасаясь от зверств боснийцев-мусульман, остальные – из Хорватии и Словении. Интересно, что тридцать процентов беженцев составляли мусульмане, что бежали от жестокости своих единоверцев. Но большинство прибывших в Черногорию были православными.

То, как не любят черногорцы хорватов после этой безумной войны, я почувствовал на себе.

Несколько лет назад мы с Ленкой были в Хорватии, и я на память привез оттуда бейсболку с традиционными хорватскими бело-красными шашечками, с силуэтом страны и надписью «CROATIA». В первые дни в Черногории не носил ее. Но потом все же надел, спасаясь от жары. И произошло необъяснимое. В маленьком магазинчике, где меня до этого встречали как родного, вдруг перестали со мной разговаривать. Швыряли сдачу и отворачивались. То же было и в прибрежных кафе, и даже в «Мега-маркете». Я не понимал, что делаю не так. И вот спустя какое-то время мы поехали на такси погулять в Будву. Таксист, молодой парень, всю дорогу искоса бросал на меня взгляды, и видно было, что хотел что-то спросить. Наконец он не выдержал: «Тебя здесь еще не побили?» Я удивленно взглянул на него: «А что такое?» – «Да твоя кепка. Она же хорватская?» – «Да, и что?» – «Ты лучше ее у нас не носи...»

Как только мы приехали в Будву, я сразу купил себе защитного цвета кепи с двуглавым черногорским орлом и надписью над ним: «Montenegro».

Зато в Черногории очень любят отдыхать сербы. Машины с сербскими номерами везде – на пляже, у магазинов и гостиниц. На нашей вилле на первом этаже жила улыбчивая сербка Бояна с

двумя маленькими сыновьями и мамой. Сказала мне, что приезжает сюда каждое лето...

С отцом Осией мы тепло распрощались где-то через два часа после нашего приезда к нему. Кроме масла, мы купили у него еще бутылку вина. За распитие в церковном дворе полтора литра этого божественного напитка он с нас денег не взял. Наш человек...

СОН СЕДЬМОЙ. ЭТА НЕЗЕМНАЯ БОКО-КОТОРКА

Приехать в Черногорию и не увидеть Боко-Которскую бухту – просто никуда не годится. «Самое красивое место на Земле», «Божественный фьорд», «Лучшее, что создал Творец» – это все про Боко-Которку.

С экскурсоводом Галиной мы подъезжаем к морскому порту Тивата.

У причала стоит большой красивый парусник, пройти по морю на таком – мечта любого мальчишки. Но, к сожалению, он ждет здесь не нас. Хотя наш двухпалубный кораблик маленьким тоже не назовешь. Не считал, конечно, но сотни две наших попутчиков, желающих насладиться красотами самого известного места на Адриатическом море, в него влезло.

Пока едем из Бечичей в Тиват, Галина нам рассказывает о том, как скоро изменится порт, какой грандиозный проект там будет осуществлен.

Этот проект называется «Porto Montenegro».

Дело в том, что один канадский миллионер, которого зовут Питер Мунк, задумал построить здесь целый комплекс для богатых – самых богатых! – яхтсменов мира. Это будет первый такой комплекс на Адриатике и всего третий в мире. Собственно говоря, Мунк хочет построить здесь небольшой город, в котором будут устроены стоянки для суперяхт, отели, большая верфь, рестораны, бутики и все-все-все, без чего богачи-спортсмены прожить просто не могут. Стоимость проекта оценивается более чем в миллиард долларов!

Галина рассказывает все это, и в ее голосе чувствуется уважение к огромным деньгам.

Она сама из России, из Подмосковья, но уже больше тридцати лет живет в Черногории – вышла замуж за местного парня. Иногда она что-то начинает рассказывать, недоговорив фразу, замолкает, потом, подобрав нужное слово, продолжает рассказ. «В Союзе, – и тут же поправляется. – В России почти не бываю. По-русски говорю

только летом, когда экскурсии веду, поэтому извините за паузы». А свое уважительное отношение к проекту канадца она объясняет просто: «Если все это у нас будет, то будет работа, будет меньше бедных. Это же элементарно!»

Наш корабль тихо отходит от причальной стенки. Идем в глубь бухты. Море тихое, мы сидим на открытой верхней палубе, и если бы не морской ветерок, то давно бы уже поджарились на палящем солнце. Но все равно время от времени нам приходится спускаться вниз, в тени.

Уже вышли из Тиватского залива бухты и потихоньку входим в залив Герцог-Новский. Здесь во время наполеоновских войн стоял российский флот под командованием адмирала Синявина. Победы русских моряков защитили тогда черногорцев и от французов, и от османов. Здесь России до сих пор за это благодарны.

По берегам залива то тут, то там возникают в поле зрения небольшие поселки. «Это дачи, – объясняет Галина. – Здесь их строят богатые люди, земля дорогая и очень ценится. Много иностранцев покупают здесь недвижимость, среди них немало русских».

Она вглядывается в берега: «А вот смотрите – слева такие шахты в скалах полузатопленные. Это бывшие военно-морские базы югославской армии. Здесь стояли подводные лодки, в том числе и советские, пока отношения между Тито и Сталиным не стали... как это по-русски... совсем худыми. Видите шахты?»

Мы видим шахты, видим старый причал, у которого, накренившись, стоит старый военный корабль. На борту даже сохранился его боевой номер. Я киваю на него Галине. Она отвечает: «Да-да, после распада Югославии здесь много военной техники оказалось брошенной. Она и сейчас никому не нужна. Ржавеет, гниет. Остатки боевой мощи когда-то одной из самых сильных армий Европы...»

Красота вокруг необыкновенная: горы на берегах прямо переливаются цветами – от изумрудного до темно-синего...

Впереди по курсу возникает остров, на котором стоит крепость. Мы обходим ее со всех сторон. Выглядит она одновременно очень грозной – мощные стены, бойницы – и очень заброшенной. Но смотрится на фоне моря и гор все равно просто замечательно.

«Это крепость Мамула, – объясняет нам наша экскурсионная фея. – Она была построена по

приказу австрийского генерала Лазаря Мамула, когда этими землями владела Австро-Венгрия. Она защищала подходы к берегу. Причем он ее так удачно построил, что военные гарнизоны здесь находились и обороняли берег и в Первую, и во Вторую мировую войны. Во время войны с фашистами оккупанты устроили здесь еще и лагерь для военнопленных». «А сейчас что там?» – спрашивает Ленка. «Ничего там сейчас нет. Видите ли, эта крепость и это место, где мы находимся, – морская граница между Черногорией и Хорватией. Я даже не могу сказать, в какой конкретно стране мы сейчас – у нас в Черногории или в Хорватии. Так вот, правительства наших стран уже долго спорят, кому этот остров принадлежит. А пока они спорят – крепость потихоньку умирает. Доспорятся, кажется, до того, что здесь останутся одни руины...»

У крепости Мамула наш кораблик останавливается, желающих приглашают пересесть на катера и поехать в Голубой грот. Мы тоже заскакиваем на катер и мчимся, подпрыгивая на волнах, к этому природному чуду.

Голубой грот – это действительно чудо: катер проходит в узкий низкий проход, и мы оказываемся в небольшой пещере. Цвет камня в пещере, солнечный свет, идущий сквозь две небольшие расщелины, и морская вода создают абсолютно волшебный эффект – кажется, что все вокруг действительно голубое – стены, вода, камни на дне. Вода прозрачная и спокойная.

Все кидаются купаться, а затем грот озаряют вспышки фотоаппаратов. Но ни одна фотография не передаст волшебства удивительного места...

Покинув Голубой грот, идем еще к одной адриатической знаменитости – искусственному острову Божьей матери на Рифе. Или Госпа од Шкрпела.

Но для того чтобы подойти к нему, надо пройти еще один замечательный участок Боко-Которки – пролив Вериге. Это совсем узкий проливчик, шириной всего 250 метров. На его берегах находятся два старинных города – Пераст и Риксан. Да-да, тот самый Риксан, единственный город, оставленный царице пиратов Теуте победившими ее римлянами. Эти два города с древнейших времен населяли моряки, здесь велась бойкая торговля. Но уже средневековые пираты – не подданные Теуты – не давали добрым горожанам покоя. Случалось, они входили в пролив и грабили купеческие корабли, убивали и захватывали в рабство местных жителей. И тогда горожане решили перегородить залив цепями. Сказано –

сделано!

И с тех пор как эти цепи поставили – ни один корабль, пиратский ли, вражеский, через этот пролив не прошел. Помните, как назывались в Древней Руси цепи? Вериги. На сербско-хорватском так же. Отсюда и название пролива – Вериге...

И вот нам уже виден единственный на Адриатике созданный руками людей остров Госпа од Шкрпела. Если смотреть на него сверху, то остров Богородицы на Рифе напоминает собой очертания корабля. Сейчас его площадь составляет три тысячи квадратных метров. Я, наверное, повторюсь, но стоит съездить в Черногорию, чтобы побывать здесь. Нигде подобного в мире, кажется мне, просто нет. История возникновения Госпа од Шкрпела так до конца и не выяснена.

Одна легенда гласит, что когда-то очень давно корабль из города Пераст, подходя к родному причалу, неожиданно попал в шторм, напоролся на риф и затонул. Большинство членов команды погибло. Те, кто остался в живых, зацепились за этот риф и вдруг неожиданно обнаружили на нем икону Богородицы с младенцем на руках. Как икона там оказалась, откуда она приплыла – об этом история умалчивает. Моряки были рады, что остались живы. И раз такое чудо обретения святого лика с ними произошло, они поклялись выстроить на этом рифе церковь и посвятить ее Деве Марии.

Есть и еще одна легенда. В начале пятнадцатого века два брата-моряка из Пераста плыли мимо этого рифа. И один из них случайно увидел, что в воде прямо на рифе лежит икона Пресвятой Богородицы. «Она, наверное, с какого-нибудь утонувшего корабля, – сказал один брат другому. – Давай ее поднимем». Они взяли икону с собой. На суше выяснили, что эта Богородица с младенцем – чудодейственная! Один из братьев даже исцелился от тяжелой и долго мучавшей его болезни, прикоснувшись к ней. Об этом стало известно жителям города. И они решили на месте рифа, где была найдена икона, создать искусственный остров и построить на нем церковь. Кстати, Дева Мария и сегодня является покровительницей моряков города Пераста.

Но так оно было или эдак, факт остается фактом: горожане, местные моряки сначала стали на рифе топить подбитые ими пиратские корабли и свои старые парусники. Каждое судно, что проплывало мимо рифа, бросало сюда камни, чтобы образовать отмель, на которой будет возведен храм. И церковь Божьей Матери была возведена здесь в шестнадцатом веке.

Потом храм чуть не разрушило землетрясение, но горожане восстановили и облагородили любимую церковь.

Возникла традиция: капитаны судов после долгого и опасного плавания приносили Богородице дары – ценные украшения, картины. Горожане дарили всякую утварь. Так здесь возник своеобразный музей, который существует и пополняется до сих пор. Храм украшен множеством серебряных табличек с именами спасенных молитвой от бури кораблей. А еще этот храм знаменит своими росписями и иконостасом. Красоту эту не передать – ее надо видеть!

Кстати, жители Пераста ежегодно 22 июля отмечают в честь острова праздник. В этот день на своих яхтах, катерах и других плавсредствах они подходят к Госпа од Шкрпела и высыпают в его основание камни, дабы укрепить святое для местных моряков место.

На острове нет ни одной жилой постройки. Но служители храма и их помощницы – пожилые матроны – каждый день приезжают сюда, чтобы встречать гостей и паломников, которых летом бывает очень много, и следить за порядком.

При нас одна из таких служительниц выгоняла из воды молодого парня, который прибыл на остров Девы Марии на яхте. Он осмелился купаться здесь, а это строжайше запрещено церковными правилами...

«Знаете, почему эта бухта называется Боко-Которской? – спросила нас гид, когда мы отплыли от острова Девы Марии на Рифе. И сама же себе ответила. – Это название произошло от двух древних итальянских слов: «bosca», что означает «пасть», ведь сверху бухта похожа на пасть неведомого зверя. И названия города Котор, изумительного по своей красоте и очень важного в стратегическом отношении от средневековья до двадцатого века. Не пройдет и часа, как вы его увидите и погуляете по его старым улочкам и площадям...»

В ожидании подхода к Котору мы сидели на палубе и пили холодное пиво. От жары не спасал даже морской ветерок. Официант, что обслуживал нас, казался измученным. Поймав мой взгляд, он сказал: «Устал. А ведь еще как-то надо до ноября доработать. В ноябре последний рейс...»

СОН ВОСЬМОЙ. КОТЫ И ЛЕГЕНДЫ КОТОРА

За время нашего пребывания в Черногории в Которе мы с Леной побывали два раза. Права была Галина – город просто завораживает, в него хочется возвращаться.

Мы были в хорватском Трогире, городе-музее. Мы гуляли по великолепной веселой черногорской Будве, где над морем возвышается грозная венецианская крепость с арсеналом.

Но Котор...

Котор – это Котор.

Первое, что видишь, когда подходишь к Котору с моря, – огромная крепостная стена, что опоясывает город и уходит куда-то далеко в горы.

Далеко-далеко в горах, там, где стена заканчивается, еле видна старинная крепость. Снизу она как игрушечка, на самом деле эта крепость – крепость Святого Иоанна – вполне серьезное сооружение. Для того чтобы добраться до нее, надо идти по стене, вверх по очень даже крутой горе почти пять километров. Редкий турист доберется даже до середины маршрута. Но некоторые упорно лезут вверх, чтобы посмотреть оттуда на древний город и залив, напоминающий пасть неведомого животного.

Построили стену и крепость венецианцы, но использовались эти защитные сооружения по назначению вплоть до Второй мировой войны.

Котор – город очень древний. Задолго до венецианцев, примерно две тысячи лет тому назад, здесь

жили иллирийцы, те самые, которыми так недолго, но так блистательно управляла царица Теута. Затем этим городом владели римляне, византийцы. Доходили до него и полчища монголо-татар.

Но Котор, несмотря ни на что, развивался, рос и хорошел от столетия к столетию.

Это был город кораблестроителей, моряков, ювелиров, торговцев, пиратов. Да-да, пиратов, они имели здесь даже свои, если так можно сказать, представительства или гильдии.

Самый расцвет города пришелся как раз на то время, когда он был частью Венецианской республики.

Венецианцы владели Котором без малого четырехста лет. Об этом напоминает огромный барельеф венецианского льва с Евангелием в лапах на крепостной стене у главных ворот города – Морских. Именно через эти ворота мы и прошли в Старый Город.

Морские ворота ведут на Оружейную площадь, на которой расположены старинный Арсенал, княжеский дворец, в котором жил венецианский наместник, Сторожевая и Часовая башни.

Поскольку в Которе случались землетрясения, и довольно сильные, то Часовая башня от этих колебаний несколько наклонилась, но по-прежнему крепко стоит на своем основании. Кстати, княжеский дворец – это не первый дворец на этом месте. До него тут стоял еще один. Но он был разрушен при очередном землетрясении и под его обломками ко-

мандовавший тогда городом венецианец погиб.

Под Часовой башней – позорный столб. К нему привязывали виновных в мелких преступлениях которцев и либо оставляли так на несколько дней, либо били кнутом и отпускали восвояси.

В глубине площади здание театра – первого в Черногории – его построили в то время, когда Котором владели наполеоновские войска. Там захватчики отдыхали душой. Ну куда же французам без театра-то! Сейчас в старом театре гостиница и ресторан.

Поскольку город был портовый, а морякам – и пиратам, кстати – надо было как-то проводить свободное от плаваний время, то в городе имелись и увеселительные заведения, где мужчин всегда ждали молодые девицы, которые помогали им скрасить досуг.

Бывало, что девушки в результате этих забав беременели и рожали. Венецианцы, дабы младенцев не убивали и не выбрасывали, при содействии богатых горожан основали в городе приют для незаконно рожденных детей. Матери отдавали туда своих сыновей и дочерей и обязательно давали служительницам приюта какой-нибудь предмет – пуговицу, платочек, серебряную ложечку или что-то еще. Это делалось для того, чтобы через много лет непутевая мамаша могла опознать брошенный когда-то плод случайной связи.

Здание приюта сохранилось, мы с Леной его видели. Это совсем рядом с Кафедральным собором Котора – собором Святого Трифона. Собор был построен в 1166 году, но был несколько раз поврежден землетрясениями, поэтому перестраивался и менял свой облик. Сейчас он представляет собой величественное белоснежное здание с двумя колокольнями, где среди прочих христианских сокровищ хранятся и мощи самого святого, который до сих пор является покровителем Котора.

Вообще, в Которе когда-то было тринадцать храмов и семь монастырей. Сейчас осталось только десять церквей.

Самая интересная из них, для меня, по крайней мере, была построена в двенадцатом веке, это церковь Святого Луки. А интересна она тем, что, когда уже начинались в Европе войны между православными и католиками, в этой церкви мирно уживались представители двух направлений христианства. Изначально храм Святого Луки принадлежал католикам. Но в семнадцатом веке в Котор начали прибывать беженцы из областей, что были заняты турками. И беженцы эти были как раз православными. До этого православных церквей в городе не было, как не было и православной общины. И тогда которские

католики разрешили пришельцам вести в этой церкви свои службы и даже построили там второй алтарь. Чуть позже которский храм Святого Луки полностью отошел православным.

Когда я услышал эту историю, подумал: католики-хорваты, вероятно, не знали или забыли эту поучительную историю о добрососедстве, когда изгоняли православных сербов и черногорцев из своей новой страны в конце двадцатого века. Впрочем, что простых людей винить. Настоящие виновники – те, кто развязал братоубийственную войну и науськивал их друг на друга...

В Которе множество сувенирных магазинчиков и, конечно же, маленьких уютных кафе, где вас напоят свежим кофе и накормят черногорскими вкусностями.

Мы с женой приземлились в одном из таких заведений. Рядом с нами сидела довольно странная пара: пожилой господин и довольно молодая женщина. Говорили они по-французски, но и так было понятно, что спутница господина была чем-то недовольна, а он ее всячески успокаивал, гладил по руке, игриво касался груди и целовал в шейку. Женщина отворачивалась и корчила неприятные рожицы, пока ухажер или муж ее не видел.

Вот тут как раз мне вспомнилась еще одна которская легенда, что рассказывала нам Галина. Это легенда о том, как в этом городе появились олеандры.

Тот сорт олеандров, что растет в Которе до сих пор, был специально завезен из Италии. И завезен он, как говорят, был для того, чтобы юные игривые жены пожилых состоятельных которцев делали из этих чудных растений хитрый такой настой, который подливали своим благоверным в вино. Через какое-то время после приема олеандровой настоечки престарелые мужья переселялись в мир иной, а несчастные юные жены превращались в веселых и совсем небедных вдов...

Одна из легенд о происхождении названия города – Котор – гласит, что издревле рядом с людьми здесь жило множество котов и кошек. Не знаю, как было в древности, но сейчас представителей кошачьего племени в городе можно встретить на каждом шагу.

Черные, белые, пятнистые, коричневые, рыжие и пегие микротигры и микротигрицы спокойно, как хозяева, лежат на старых площадях и улицах, у дверей древних храмов, на подоконниках венецианских дворцов и просто посреди узеньких улочек.

Их здесь любят, кошек и котов. Сами которцы, как шепнула мне в кафе официантка, говорят так: «Не знаем точно, откуда произошло название го-

рода, но Котор без кошек – не Котор». Изображение кота – один из современных символов древнего поселения...

В Которе квартировали и матросы адмирала Синаявина, когда российская эскадра стояла в этих водах в начале девятнадцатого века. А в 1920 году именно сюда на кораблях пришли разбитые Красной армией подразделения армии барона Врангеля, и отсюда они потом разбрелись по свету...

В 1979 году в Которе произошло еще одно сильное землетрясение, и очень много исторических зданий тогда пострадало. Восстанавливала Югославия исторические храмы, дворцы, башни и дома Котора с помощью ЮНЕСКО. После того как работы были закончены, эта организация взяла Котор под свою охрану. Сейчас Старый Город внесен в список объектов всемирного культурного наследия.

Рядом с Котором есть огромная красивая гора, даже не гора, а целый горный массив. Называется Ловчен. Как гласит предание, именно этой горе Черногория обязана своим названием.

Ловчен был весь покрыт – и сейчас тоже – густыми хвойными лесами. Они были настолько густыми, что в любое время суток гора казалась темной и грозной. Первые венецианцы, что появились в этих местах, увидев ее, воскликнули: «Вау! Смотрите, парни, какая черная гора!»

По-итальянски «черная гора» – «monte nero». А уже затем, позже, европейцы стали Черногорию называть на свой лад: «Montenegro»...

В Которе каждое лето проводится масса фестивалей и карнавалов. На них приезжает множество туристов. Когда мы с Леной были здесь во второй раз, то увидели, как прямо напротив Морских ворот города пришвартовался огромный паром, откуда выкатилась разноголосая толпа туристов, которая тут же рассосалась по площадям, кафе и ресторанам Старого Города.

Уже вечерело, и во многих заведениях вовсю играла громкая музыка. Я смотрел на это и вспоминал слова черногорского таксиста, с которым разговаривал в Будве. Тогда тоже вечерело, и в будванских уличных ресторанчиках было шумно и весело. Таксист грустно сказал: « Это все декорация – шум, веселье, музыка. Даже история наша кажется декорацией для вас, туристов. Будет зима, вы уедете, декорации снимут, и тут будет совсем другая жизнь. Совсем не шумная, не веселая. Нам надо как-то прожить следующую зиму...»

СОН ДЕВЯТЫЙ. ПО ДОРОГЕ ВЛЮБЛЕННОГО АВСТРИЙСКОГО ИНЖЕНЕРА

Из Котора, взбираясь все выше и выше по той самой горе Ловчен, которой обязана Черногория своим названием, мы едем в старинное село Негуши.

Село находится за перевалом, на другой стороне склона. Едем по дороге, которую построил в девятнадцатом веке во время правления Черногорией короля Николы Первого Негоша австрийский инженер Иосип Слайд. Дорога ведет из Котора в старую столицу Черногории – Цетинье.

С Иосипом Слайдом и с построенной им дорогой связана красивая и грустная легенда. Этот инженер весьма близко был знаком с семьей черногорского короля, в том числе и с его женой – Миленой.

Миленка была дочерью богатого черногорского воеводы и вышла замуж за Николу, когда ей было тринадцать лет, а новобрачному – девятнадцать. Это, как отзывались о ней современники, была очень красивая девушка. Сначала при дворе ей было одиноко, но затем она нашла себя в этом мире царедворцев, постепенно освоилась, стала настоящей королевой и родила своему Николу аж двенадцать детей.

И вот в эту женщину-то и угораздило влюбиться несчастного Иосипа.

Не зная, как выразить свою любовь, инженер спроектировал дорогу таким образом, что у Котора она запетляла в форме буквы «М». При этом Слайд самовольно увеличил этот участок дороги на пятьсот метров. Увидеть эту букву можно было, только поднявшись дальше по трассе высоко в гору.

Никола Первый, узнав об этой любовной страсти своего инженера и хитро выписанной им букве, очень рассердился, если это слово можно применить к королям. Рассердился до такой степени, что однажды уехавший по делам Иосип не вернулся ни в Цетинье, ни в Котор. Сгинул бесследно влюбленный специалист. Поговаривали, что его исчезновение было как раз результатом, так сказать, рассерженности черногорского монарха...

А мы, миновав эту букву «М», уже въезжаем в горный лес. Едем по горе Ловчен. Когда поднялись чуть повыше – видим эту роковую букву, что стоила жизни Иосипу Слайду. Забрались уже высоко, но это только начало нашего пути.

Нам предстоит проехать по серпантину, на котором 25 крутых поворотов, каждый из которых

отмечен специальным каменным знаком с номером. И с каждым таким поворотом дух захватывает все больше. Вниз из окна теперь лучше не смотреть: сквозь листву видна пропасть, которая с каждой дорожной петлей все глубже. Лена сидит, закрыв глаза, наружу смотреть не может: «Саня, зачем мы сюда поехали? Обратным же путем двинем?»

Я узнаю у нашего гида, как поедет обратно. Она успокаивает нас: путь домой лежит в обход горного массива.

Чтобы успокоить меня еще больше, она говорит, что на этой дороге проводятся даже ралли на машинах и мотоциклах. Господи, есть же еще сумасшедшие на этой Земле!

И чтобы уж совсем я уверовал в безопасность нашего путешествия, мне показывают еле видную в горах тропинку: «Видишь вон там путь? До того как Иосип Слайд построил эту дорогу, черногорцы спускались и поднимались по горе именно по той, старой дороге». «Так там же... это же не дорога, козья тропа какая-то!» – удивляюсь я. «Вот поэтому я тебе и показываю ее», – говорит гид. Наш большой и длинный автобус тем временем преодолевает еще один вираж серпантина. Мне кажется, что его переднее левое колесо парит прямо над пропастью. Но это только кажется...

Вскоре страх совсем пропадает, и я просто сижу и наслаждаюсь природой, которая в этих местах просто какая-то безумная, по-сумасшедшему красивая.

Горные леса впереди окутаны облаками. Такого я еще не видел никогда. Кажется, что сейчас мы просто вплывем в эти облака и окажемся в светлой мгле. Но этого не происходит. Поднимаемся выше мы, поднимаются вверх облака.

На обочине очередного крутого поворота вижу маленькое здание, круглое, с узкими оконцами. «Это здание бывшей австрийской таможни, – говорят мне. – Именно по этому повороту проходила в девятнадцатом веке граница между Черногорией и Австро-Венгрией».

Еще одна петля, потом еще одна и еще. «А здесь мы сделаем остановку. Это перевал Троица. Высота над уровнем моря – тысяча сто метров, – тихо говорит гид. – Сейчас вы выйдете из автобуса, подойдете к краю дороги и посмотрите вниз. Уверю вас – будете поражены».

Выходим из автобуса. Нас всех слегка покачивает, наверное, от поворотов и от абсолютно чистого, сладковато-терпкого воздуха, которым напоен до краев перевал Троица.

Лена не рискнула подойти к краю. Я подошел. И обомлел! Передо мной лежала практически вся

прибрежная Черногория! Были видны Тиватский и Которский заливы, был виден Тиват, его аэропорт и было видно, как взлетают и садятся кажущиеся отсюда игрушечными самолеты. Котор тоже был отлично виден, он представлялся отсюда набором маленьких зданий. Старый Город казался тщательно выписанной гениальным художником миниатюрой. И все это было прикрыто легким покрывалом облаков. Волшебство, да и только!

Насмотревшись на этот фантастический пейзаж, мы садимся в автобус и начинаем спускаться с горы. И вот уже видно знаменитое село Негуши. Оно находится на высоте 900 метров над уровнем моря.

Село известно как родина самого вкусного пршута – вяленого окорока, негушского соленого сыра, ароматного виноградного и ежевичного вина, а также как родовое гнездо владетелей Черногории Петровичей-Негошей. Они правили этой землей с семнадцатого века и до Первой мировой войны.

Начнем, пожалуй, с владетелей Черногории.

Когда-то давно здесь жило большое племя негушей, которые занимались земледелием, скотоводством и были известны как храбрые воины. Отсюда и пошло название села и династии черногорских владетелей.

Петровичи-Негоши были владыками просвещенными, почти все они были хорошо образованы, многие увлекались поэзией и философией, а Пётр Второй Петрович вообще стал, так сказать, черногорским Пушкиным. Его как поэта и как государственного деятеля любят и поклоняются ему до сих пор.

Почти все из Петровичей были не только светскими, но и духовными владыками – черногорскими митрополитами. При Петровичах-Негошах связи Черногории с Россией были не просто близкими, они были братскими.

Кстати, все девять дочерей Николы Первого и Милены, той самой, из-за которой ни за понюшку табака пропал бедный инженер Слайд, получили блестящее образование в России. Две из них вышли замуж за русских великих князей. А одна, между прочим, стала итальянской королевой.

В Негушах до сих пор стоит дом, где родился один из черногорских владетелей – Петар Второй Петрович Негош. Сейчас там музей.

Где-то в этих горах обитал очень странный и загадочный персонаж, – это я сейчас опять о тесной связи России с Черногорией вспомнил, – которого звали Степан Малый. Он выдавал себя за травника и лечил простой народ почти что даром.

Манеры у него были как у вельможи, знал Сте-

пан множество языков, русским тоже владел в совершенстве. Черногорцы, что служили в русской армии – а таких много тогда было, черногорская молодежь охотно воевала за Россию в войнах с турками, – стали поговаривать, что этот Малый очень похож на мужа Екатерины Великой Петра Третьего, убитого фаворитами российской императрицы.

И пошел слух, что не погиб Петр Федорович, а тайными тропами пробрался в Черногорию и живет здесь, спасаясь от вероломной женушки.

Черногорцы были настолько уверены, что Степан и есть Петр Третий, что 17 октября 1767 года собрали народное вече и, пав на колени, просили его открыться – правда ли, что он император российский. Исторический факт: Степан Малый ответил: «Перед вами – император Петр Федорович! Я пришел сделать вас навсегда счастливыми!» Старцы черногорские вручили ему грамоту, где он признавался императором Черногории и Руси.

Самозванный император храбро боролся с турками во главе черногорской армии. Кстати, Черногория – единственная из балканских стран, не давшая османам установить над своей территорией иго. Турки никогда не управляли Черногорией, и в этом есть заслуга и лжеимператора Петра Третьего.

Но вот что странно: если остальных самозванцев Екатерина Вторая жестоко преследовала – достаточно вспомнить историю Пугачева и что с ним сделали, когда поймали, – то с этим своим «мужем» она поступила иначе. Императрица послала в Черногорию князя Юрия Долгорукого с приказом поймать Малого, заковать его в кандалы и доставить в Петербург. Долгорукий приехал в Черногорию, почти без труда арестовал его, но... побеседовав с ним после ареста, отпустил его с почетом, присвоил ему звание поручика армии российской, выписав ему патент и вручив мундир и шпагу.

Более того, он от имени Екатерины назначил его «Главным правителем черногорского народа». Вроде как матушка-императрица ему нечто другое назначивала...

Более того, не выполнив монаршего приказа, князь должен был понести суровое наказание. Однако за свою черногорскую миссию он был не только не наказан, но и щедро вознагражден.

Это, повторю, исторический факт. Но почему так все случилось, почему Екатерина так ласково отнеслась к своему черногорскому лжесупругу – историки спорят до сих пор. Ответа нет. Лишь гипотезы...

Но я все-таки о Негушах. Мы все еще там. Поговорим о негушском пршуте. Это сырокопченый

свиной окорок, приготовленный особым способом. Пробовали мы с Леной хорватский пршут, отведали итальянское прошутто – это все почти так же приготовленное мясо, но негушский пршут – это нечто особенное. Если кто его едал – со мной согласится.

В чем секрет негушского пршута? Кто-то говорит, что в особом горном воздухе, на котором сначала подсушивается натертый солью и душистыми травами свиной окорок, кто-то говорит, что секрет в том угле, на котором потом долго коптится мясо в специальных больших помещениях – сушинах. Мы заходили в одну из таких сушин. Представьте себе: под крышей, сделанной так, чтобы мясо постоянно обдувалось свежим воздухом, висят десятки огромных окороков. Для того чтобы пршут получился и был действительно деликатесом, его надо готовить не менее трех лет! Зато и храниться готовый пршут может очень долго. Но пршут, конечно, пршутом, а ничего ароматнее негушского домашнего ежевичного вина я в своей жизни не пробовал!

Пожилый мужчина, у которого я купил и пршут – он его делает в своей сушине, да тут в каждом доме своя сушина, – и домашнее виноградное вино, и ежевичное вино, рассказал мне о том, как они совсем недавно жили.

Когда в Югославии бушевала война, о Негушах все забыли – сюда не ездили туристы, не чистились горные дороги, а значит, и продавать свою продукцию негушцы не могли, не было денег – жители села жили, как в восемнадцатом веке, натуральным хозяйством. «Электричества тоже не было, хорошо еще что вода, запасы соли и дрова у нас всегда есть, а то бы вымерли все». Сейчас вроде как жизнь налаживается: туристы приезжают постоянно, работают небольшой ресторанчик, магазины. Негуши ожили.

Предприимчивые местные жители нашли еще один способ зарабатывать деньги. В Негушах сейчас построены так называемые экодимики. Мы их видели – это небольшие избушки, в которых из всех благ цивилизации есть только электричество. Туристы, что приезжают сюда пожить, дышат горным воздухом, используют только родниковую воду, едят экологически чистые овощи и фрукты, конечно же, сыр и пршут, пьют домашнее вино. Никаких телевизоров, радио и Интернета.

За такое экожитье-бытье в Негушах желающие на какое-то время породниться с матушкой-природой платят как за проживание в хорошей европейской гостинице...

СОН ДЕСЯТЫЙ. ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ЦЕТИНЬЕ...

Мы вновь кочуем по горам в нашем почти уже родном автобусе.

Но это уже не те горы, что были до Негушей. Здесь почти нет растительности, одни камни на склонах. Здесь нет воды, поэтому люди в этих местах никогда не жили. Зато воевали. То на одном повороте, то на другом мы встречаем мемориальные доски, небольшие памятники югославским воинам, что сражались здесь с фашистами. Кое-где видны доты – укрепленные огневые точки, оставшиеся с той войны. Солдаты Тито давали тут жару оккупантам.

Постепенно спускаемся вниз, и пейзаж за окном автобуса меняется – вновь буйная зелень, горы – как в праздничных ярких нарядах.

Ненадолго останавливаемся на горной пасеке. Женщины тут же бросаются рассматривать изготовленные на пасеке кремы и прочие притирки и бальзамы на основе горного меда и воска, мужчины вождельно поглядывают на медовые настойки, сделанные на основе ракии с добавлением яблок, винограда и трав.

Каждому свое...

Еще немного дороги, и вот перед нами Цетинье, старая столица Черногории. Сейчас ее называют «конституционная столица», в отличие от Подгорицы – административной столицы страны.

Чуть-чуть не доезжая до самого города, видим заброшенную промышленную зону. Гид спросила: «Есть ли среди вас те, кто помнит, каким спросом в Советском Союзе пользовались югославские холодильники?»

Пожилый мужчина в шортах и растянутой на пузе футболке ностальгически мычит: «Да еще бы! И холодильники, и миксеры, и... Да их же было просто не достать!» «Вот! А холодильники эти производились именно здесь, на заводе в Цетинье. Когда Черногория пришла полная демократия, наши западные друзья решили, что промышленность Черногории вообще не нужна. Они сами хотели поставлять вам и холодильники, и другую бытовую технику. Завод закрыли, разграбили. Людей выкинули на улицу... Теперь у нас тут сплошной туризм...» Подумала и добавила: «Со слезами на глазах...»

Везжаем в старую столицу.

Цетинье всегда был небольшим городком. Столицей он стал в пятнадцатом веке, когда Черногория вела непрерывные войны с турками и надо было все управление землями черногорскими переместить подальше от театра военных действий. Тем более что сама эта местность – гористая и местами неприступная, мешала врагам добраться сюда. Когда нападения врагов были отбиты, Цетинье вновь впало в исторический сон до семнадцатого века, когда опять на Балканах вспыхнули войны с Османской империей.

Но своего расцвета город достиг при правлении

*Дорога-серпантин
близ Цетинье*

уже известного нам Николы Первого и его жены Милены. Тогда здесь закипела настоящая светская жизнь. Хотя...

Что представлял собой Цетинье в тот период, замечательно описал в 1866 году Викентий Макушев, русский историк, филолог и дипломат, член-корреспондент Петербургской академии наук: «Кто не бывал в Черногории, тот представляет себе Цетинье городом; но едва ли его 20-30 домов заслуживают названия даже деревни; впрочем, дома построены по-европейски и образуют правильные две-три улицы. Княжеский дворец, длинное одноэтажное здание с башнями по углам, построен князем Даниилом I по совету и внушениям его супруги, Дариньки, привыкшей к европейскому комфорту, ...а дотоле правители Черногории жили в монастыре... В Цетинье доселе не было гостиницы, и путешественник, не имевший доступа к князю, должен был останавливаться в грязной, дымной корчме и спать на нарах рядом с невзыскательными черногорцами; о кушаньях уже нечего и говорить... А между тем в Цетинье бывает много иностранцев, особенно в Петров и Духов день; а потому нужно пожелать, чтоб акционеры (большую частью которские православные купцы, акция по 100 гульденов) поскорее окончили постройку гостиницы, обещающей большие удобства путешественникам и, конечно, немалые выгоды её содержателям».

Такая вот была черногорская столица в середине девятнадцатого века...

Сейчас в Цетинье насчитывается примерно 19000 жителей, девяносто процентов из них – черногорцы, пять процентов – сербы. Улиц, конечно же, теперь в Цетинье гораздо больше, чем три, виденные нашим соотечественником. Все они красивые, чистенькие. С удовольствием по ним погуляли.

Наше путешествие по Цетинье начинается с церкви Рождества Богородицы, построенной в 1484 году на развалинах Старого Цетинского монастыря, который был почти полностью уничтожен землетрясением. Строгий, очень красивый храм. Но это не самое древнее здание в старой столице.

В 1405 году здесь была построена другая православная церковь – церковь Влашка, она отлично сохранилась. Возвели ее, по преданию, местные пастухи, а расписали специально приглашенные сюда греки. Позднее церковь была украшена оградой, которую сделали из оружия, отобранного у турок во время войны 1876 года.

Конечно же, мы посмотрели и построенный в 1867 году на месте того дворца, что видел Викентий Макушев, дворец короля Николы Первого, в котором он

жил с Миленой и своей многочисленной семьей до эмиграции во Францию в 1918 году.

Там – во Франции, в Антибе – он и Милена прожили до конца своих дней. Похоронены супруги были в Италии, а в 1989 году их прах и прах двоих их детей были перенесены в Черногорию.

Сейчас во дворце Николы – филиал Национального музея Черногории, там воссоздана обстановка, в которой жили последние черногорские монархи.

Небольшое отступление. Вот что интересно. Уже в двадцать первом веке черногорцы решили воздать должное своим правителям, и 12 июля 2011 года Скупщина Черногории принимает Закон «О статусе потомков династии Петровичей-Негошей». По этому закону потомками королевской фамилии признаются все мужские потомки Николы Первого, а также сыновья жен этих потомков. Им и членам их семей автоматически предоставляется гражданство Черногории с сохранением гражданства других стран. Титул «Представитель потомков династии» получает старший наследник Николы Первого мужского пола. На сегодняшний день им является праправнук Николы Первого, тоже Никола Петрович-Негош. Он родился и живет во Франции, по профессии – архитектор.

Поскольку младший из Негошей является любителем и ценителем искусств, то он дважды в год привозит в Цетинье своих друзей – художников, архитекторов и скульпторов – и устраивает там биеннале современного искусства. Благодаря этим творческим посиделкам старинная черногорская столица украсилась весьма странными, на мой взгляд, скульптурами.

Мы с Леной их видели, и особого восторга они у нас не вызвали. Но черногорцы, видимо, любят своего творчески мотивированного представителя потомков Негошей и прощают ему эти чудачества...

Никола Петрович-Негош по закону от 2011 года регулярно получает от государства зарплату, равную зарплате президента Черногории, имеет право использовать для своих нужд первый этаж дворца Петровичей в Подгорице. Кроме этого, потомкам Николы Первого предоставлен специально построенный для них дом в Цетинье, квартала в Подгорице, также они получают, если еще не получили, особняк Николы Первого в Негушах с прилегающими к нему садами и лугами. Ну и еще кое-что им полагается по закону...

Не обижены потомки Николы Первого современной Черногорией, прямо скажу!

Так вот, королевский дворец Николы Первого невелик собой. Это самый маленький королевск-

кий дворец, который я видел в своей жизни. Но какой замечательный королевский парк за этим дворцом! Идеальное место для отдыха уставших от государственных дел монархов.

Сейчас там отдыхают уставшие от путешествий и впечатлений туристы, такие как мы с Леной...

Рядом с королевским садом расположена официальная резиденция президента Черногории. Это совсем небольшой особнячок с миниатюрным парком, обнесенный кованым забором. На территорию резиденции можно пройти и сфотографироваться со стоящими на часах у парадного входа высоченными черногорскими гвардейцами в красных гусарских мундирах. Когда с ними фотографируешься, гвардейцы смущенно улыбаются...

У основания горы в Цетинье расположен Цетинский монастырь, одна из важнейших православных черногорских обителей, резиденция черногорских митрополитов, которыми, как вы помните, являлись также и владельцы Черногории. Построен он был вместо разрушенного старого монастыря, где сейчас стоит церковь Рождества Богородицы, в 1785 году. В монастыре хранится одна из самых главных святынь всех христиан – правая десница Иоанна Крестителя. Правда, на этой деснице не хватает двух пальцев. Видимо, им где-то в другом месте поклоняются, не знаю. Тут же верующие могут прикоснуться к частице Креста Господня. И здесь же – привет, Россия! – плащаница, вышитая собственноручно императрицей Екатериной Великой!

В Цетинском монастыре была основана первая в

Черногории типография. И до сих пор здесь хранится первая книга, напечатанная на южнославянском языке – «Октоих» – богослужебная книга, составленная в седьмом веке, в которой содержатся чинопоследования вечерни, повечерия, утрени и литургии. Книгу тоже можно увидеть.

В монастыре нравы суровые – нельзя громко разговаривать, нельзя ходить с оголенными конечностями и быть слишком веселым. Тотчас же к тебе подойдет суровый монах и негодуяще закрутит головой.

И тут же, в монастырском дворе, прямо на надгробии разложил какой-то суровый старец старые бумажные деньги разных стран и продает их. Видимо, богоугодное это дело.

Конечно же, если вы оказались в Цетинье, обязательно надо взглянуть на огромную рельефную карту Черногории, которую создали офицеры Австрийского Генерального штаба в 1917 году. На ней обозначены не только селения, дороги, бухты, но и отдельные дома. Карта находится в специальном стеклянном павильоне рядом с монастырем.

Когда уезжали из Цетинье, пошел мелкий грустный дождик. Небо старой черногорской столицы, наверное, жалело, что мы так мало здесь погуляли и не все посмотрели.

Прости нас, небо Цетинье, на большее у нас просто не было сил...

(Окончание следует)

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Работал в печатных СМИ и на телевидении,

в настоящее время – в энергетической компании.

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

